
Нежинская Розина

**САЛОМЕЯ: ОБРАЗ РОКОВОЙ ЖЕНЩИНЫ,
КОТОРОЙ НЕ БЫЛО***

Nezhinskaya Rosina

Salome: The image of the femme fatale, which was not existed

В Евангелиях от Марка и от Матфея Саломея – почти случайный персонаж в драме мученичества Иоанна Крестителя. Даже имя ее не упомянуто: оно было взято позднее из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, который, однако, никак не связывает историческую Саломею с Иоанном Крестителем.

Мифологический характер евангельской истории о дочери Иродиады и Иоанне Крестителе несомненен. «С историко-культурной точки зрения совершенно невозможно, чтобы дочь Иродиады, жены четвертовластника Галилеи, присутствовала на второй части пиршества, уж не говоря о том, чтобы она исполняла там какой бы то ни было танец» (с. 31).

В древнегреческом тексте Евангелия Саломея именуется девочкой. В латинском переводе она стала взрослой девушкой или молодой женщиной. Это имело существенное значение для формирования мифа о Саломее. Религиозный интерес к образу Саломеи возник в IV в., в связи с оформлением культа Иоанна Крестителя. В эпоху Крестовых походов Саломея впервые стала изображаться влюбленной в Иоанна, а

**Нежинская Р.* Саломея: Образ роковой женщины, которой не было. – М.: Новое лит. обозрение, 2018. – 256 с.

его казнь – мстью за то, что он ее отверг. При этом образы Саломеи и Иродиады нередко сливались в один. В иконографии появляется образ танцующей Саломеи; нередко она держит над головой блюдо с головой Иоанна. На ряде изображений Саломея танцует как акробатка – на руках, вверх ногами.

В эпоху Ренессанса портреты Саломеи почти утрачивают религиозное измерение. «Изображения головы Иоанна как будто существовали лишь для того, чтобы оттенять уродство смерти красотой жизни, воплощенной в Саломее» (с. 58).

Контраст между невинной красотой девушки и жестокостью ее поступка достигает максимума в XIX в., когда Саломея превращается в роковую женщину – *femme fatale*, становится в ряд таких образов, как Лилит, Далила, Юдифь, Клеопатра. У художников и писателей XIX в. (особенно второй его половины) Саломея предстает в облике женщины-вампира, блудницы и убийцы. Не обошлось и без настойчивого упоминания ее национальности, мотивированного угрозой, якобы исходящей от предпринимателей-евреев. «Так миф о Саломее превратился в выражение разнообразных социальных страхов» (с. 15).

Наиболее ярко миф о Саломее эпохи модерна выражен в драме Оскара Уайльда «Саломея» (написана по-французски в 1891 г., издана в 1893 г.). Уайльдовская Саломея искусно манипулирует влюбленными в нее мужчинами, «несет боль, смерть, страдание всякому, кого привлекает сама и кто привлекает ее» (с. 180). Однако, в отличие от утвердившегося к тому времени образа роковой женщины, уайльдовская Саломея – еще и трагическая героиня, способная на глубокое страдание.

Ритмизованный язык пьесы заставляет вспомнить о «Песни песней». «Но Уайльд носителем языка Влюбленного делает Саломею, а Иоанна Крестителя – носителем языка Возлюбленной» (с. 182). Библейский Влюбленный восхищается красотой своей избранницы; Саломея восхищается красотой тела Иоанна Крестителя, его волос, его алых губ, женственной белизной его кожи. Влюбленный – это тот, кто добивается Возлюбленной, Возлюбленная – та, которой добиваются. Уайльдовская Саломея добивается Иоанна. Тут нет обмена признаниями в любви: перед нами диалог безответной страсти (Саломея) с ненавистью и отторжением (Иоанн).

И Саломею, и Иоанна Уайльд превращает в андрогинные существа. «Вместе они являют идеальную пару, совершенство которой обусловлено их несовершенством. Иоанн – капризный, нетерпимый, неспособный к любви злобный фанатик, Саломея – самовлюбленная, высокомерная, упрямая и мстительная девушка, одержимая эгоистическими желаниями. <...> Так Уайльд пародирует не только своих персонажей, но и идею <...> библейского сюжета о Саломее и вызванной ею казни провозвестника христианства» (с. 183).

Драма Уайльда сильно способствовала популярности мифа о Саломее и ее репутации обольстительницы и губительницы. Андрогинность Саломеи и Иоанна, а также пародийные черты драмы Уайльда резко подчеркнуты в знаменитых иллюстрациях Обри Бёрдслея. В опере Рихарда Штрауса «Саломея» (1905) на первый план выходит трагическое звучание уайльдовского сюжета. Саломея здесь – «жертва гордости и страсти, попавшая в неподконтрольный ей круговорот событий» (с. 217).

Художественные и литературные образы Саломеи создавались и позже, но это всего лишь дань некогда могущественному мифу. В русской культуре Саломея стала знаковой фигурой после бальмонтовского перевода драмы Уайльда. Особенно значительное место заняла Саломея в русской поэзии XX в. Однако в России образ Саломеи не создавался и не переиначивался, а скорее распространялся в том виде, какой он уже обрел ранее в воображении европейских художников и литераторов.

К. Душенко